

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СТРУКТУРНОГО ПОДХОДА
В ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ**

М. Н. Щербинин, А. И. Павловский, И. Н. Пупышева

**METHODOLOGICAL POSSIBILITIES OF STRUCTURAL APPROACH
IN HUMANITARIAN COGNITION**

M. N. Shcherbinin, A. I. Pavlovskiy, I. N. Pupyshcheva

В статье рассматриваются истоки и становление структурного подхода в гуманитарном познании. Он понимается как результат «коперниканского переворота» И. Канта, получивший свое развитие в процессе прояснения специфики гуманитарного познания, совершенного в теориях неокантианства, прагматизма, структурализма, гештальт-психологии, аналитической философии и др. Обосновывается, что структура как внутренняя форма выступает в качестве основания целостности вещи, а потому структурный подход противопоставляется элементаризму. Утверждается ключевая роль в развитии структурного подхода структурализма, сформировавшего развернутую структурную методологию. Показывается то место, которое занимают лингвистические исследования в изучении символических форм культуры, которые хотя и не сводятся к языковым, но в достаточной мере обусловлены ими. В свою очередь, устанавливается и значение структурализма для лингвистики, которой он позволил обрести научный статус. Описывается развитие структурализма и устанавливается ограниченность его методологических возможностей, которая привела к преодолению его гегемонии в гуманитарном познании, что вовсе не означает ограниченности структурного подхода как такового.

The paper discusses the origins and formation of the structural approach to humanitarians cognition. It is understood as a result of the "Copernican revolution" of I. Kant that developed in the process of clarifying the specifics of humanitarians cognition committed in theories of neokantianism, pragmatism, structuralism, Gestalt-psychology, analytic philosophy and others. It is proved that the structure of the inner form serves as the base of the integrity of things, thus structural approach is opposed to elementarism. The key role of the structural approach in the development of structuralism is proved, where the structural approach generated a detailed structural methodology. The authors show the place of linguistic researches in the study of symbolic forms of culture which, although not confined to language, are still rather often caused by them. In turn, the author determines the meaning of structuralism for linguistics, which owes its scientific status to structuralism. The authors describe the development of structuralism and its limited set of methodological possibilities, which led to the overcoming of its hegemony in humanitarians cognition, which does not mean that the structural approach is limited as such.

Ключевые слова: мыслеречие, речевая деятельность, речемысле, символическая реальность, символические формы, структуралистская модель, языковая структура.

Keywords: linguistic structure, model of structuralism, speech activity, speech thought, symbolic forms, symbolic reality, thinking speech.

На каком-то этапе развития интеллектуального обобщения именно структура, обозначающая поначалу внутреннюю форму объекта, начинает представляться эквивалентом его целостности и сущности [4, с. 175]. Исследуя инвариантное отношение в множественной динамике различных систем, т. е. их структуру, структурализм по-своему «сшивал» два края познания и бытия – обобщение и разобобщение, системность и элементаризм. Ф. де Соссюр в языке находил особую способность к обозначению и выражению через наличие в языке взаимосвязей одних знаковых элементов с другими, т. е. во вхождении этих знаковых элементов в систему отношений [11, с. 801]. К тому же, как полагают белорусские авторы, так выражается «резкая оппозиция» позитивистскому *атомизму*, пытающемуся вычленивать «атомы языка» – «конкретные языковые сущности», элементарные единицы значения – из которых он-де складывается» [11, с. 801].

При этом структурализм сущность и «тайну целостности» ищет в структурах (как элементарных, фундаментальных формах, законах, отношениях и т. п.) [4, с. 175]. В гуманитарном познании, по мнению лингвистов, получается: «Если обозначить *схему отношений между элементами целого как структуру*, а

методы исследования, направленные на её обнаружение, как структурные, то можно считать, что перенесение центра тяжести с элементов на их соотношение и знаменует новый, или структурный, подход к объекту» [9, с. 25].

На наш взгляд, структурализм «подбирается» к обнаружению общего и обобщения в довольно интимной или даже эзотерической сфере межэтнического, межкультурного общения в целом. Рассматривая позицию К. Леви-Стросса в этнологии, А. Ф. Зотов отмечает, что структурализм считает культурную «вселенную» *в общем случае* принципиально плюралистичной, когда «составляющие её системы если не независимы..., то уж во всяком случае суверенны, автономны» [5, с. 623]. Однако из этого вовсе не делается вывод о принципиальной разобщённости или даже, наоборот, о некотором сходстве разнообразных этносов, что, собственно говоря, выглядит банальностью. А. Ф. Зотов подчёркивает более глубокую суть, полагая, что «в этнологии сравнение имеет иную цель, нежели выявление сходства – обобщение; и только поэтому этнолог способен получить нетривиальные результаты, отличные от выводов социолога»

теоретика о существовании общих законов функционирования и развития любого общества» [5, с. 624].

Однако в структурализме надо в этом случае отметить его способность к экспликации вразумных оснований рациональности. Например, установлено, что «различные понятийные конструкты – «линейные структуры» К. Леви-Стросса, «эпистемы» М. Фуко, «символический порядок» Ж. Лакана – претендуют на формализацию и прояснение взглядов на природу и проявление бессознательного» [11, с. 807]. И тогда понятно, что сфера структурируемого общения и обобщения в гуманитарном познании расширяется. Обращаясь к концепции антрополога М. Мосса о символическом характере социальных структур, белорусские философы напоминают нам о том, что вообще с 1950-х годов «символическое» становится «существительным», а не «прилагательным» [11, с. 818].

Чтобы как-то более убедительно для читателя закончить мысль о переносе акцента с буквального на фигуративное, дополним сказанное выше последней ссылкой на используемую работу. Там в частности подчеркивается та лакановская мысль, что именно операции «сгущения» и «смещения», определяющие грамматику «языка» сновидений, в плане естественного языка функционируют в качестве фигур метафоры и метонимии» [11, с. 820]. И тогда душу гуманитария и особенно филологов наверняка согреет тот лакановский вывод, что сама «сила, структурирующая бессознательное, обнаруживается в естественном (поэтическом, сюрреалистическом) языке» [11, с. 820]. В каком-то плане здесь мы можем сослаться и на социокультурную совместимость, соединенность фигуры с обликом, с внешним видом, с габитусом. Во всяком случае, основатель как раз фигуративной теории, социолог Н. Элиас, опирался опять-таки на термин «габитус». Перетекающий из естествознания и медицины в социологию термин «габитус» наполняется новым собственно социальным содержанием, характеризуя уже не внешне телесные признаки, а внешне **социальные**, интериоризируемые в поведенческую и смысловую глубину многочисленных индивидуальных практик. Кстати, именно габитус в социологическом смысле пространстве и выступает у П. Бурдьё структурирующей системой или даже структурирующей структурой и структурируемой структурой одновременно, так или иначе восстанавливающей в правах диалектику внутреннего и внешнего миров, опровергаемую в той или иной мере в постструктурализме. Попеременная интериоризация и экстериоризация опыта человеческого общения и осмысливаемого обобщения здесь означает, на наш взгляд, по меньшей мере структурное удвоение или даже возведение в степень. А ведь как раз возведение в степень (сцена на сцене, кадр в кадре и т. п.), по нашему мнению, означает в искусстве и эстетической антропологии буквальный и одновременно фигуральный в своей очевидности «прорыв» самопознания к истине и сущности.

При этом структурализм не исчерпывает собой всего структурного подхода. Структурные исследования вошли в арсенал гуманитарного познания во второй половине XIX века благодаря не только структурализму, но и неокантианству, прагматизму, гештальт-психологии и т. д. Данное обстоятельство стало

прямым следствием осознания принципиальной специфичности гуманитарного познания, для которого элементаризм обладает гораздо меньшим познавательным потенциалом, чем для естественнонаучного. Гуманитарное познание было понято как познание целостностей, специфика которых определяется их внутренней формой, задаваемой связями между составляющими эти целостности элементами, ибо как утверждал Э. Кассирер: «Единство формы, будучи единством связей, лежит в основе единства предмета» [7, с. 88].

Этот подход стал результатом «коперниканского переворота» в философии, осуществленного И. Кантом, в ходе которого было введено понятие об априорных формах, структурирующих представление человека о реальности, причем само это представление понималось в качестве самодовлеющей реальности, единственно доступной нашему познанию [6, с. 48 – 49]. Это означало принципиальный переход к символическому пониманию реальности, которое подразумевает существование некоторой универсальной системы символов, в рамках которой каждый из них приобретает собственное значение (внутри замкнутого символического универсума).

Следующий шаг на этом пути был связан с признанием принципиальной неуниверсальности этих символических систем, открытием их культурной обусловленности, обнаружением в их составе того, что перерастает кантовскую универсальность априорного и задает различие представлений о мире носителей разных культур, отчего картины мира различаются в соответствии с национальным менталитетом.

Вот стремление к раскрытию этой специфичности и привело к возникновению структурного подхода в гуманитарных исследованиях, причем как в исследованиях лингвистических (от В. фон Гумбольдта до Ф. де Соссюра), так и в исследованиях общекультурных (Э. Кассирер). Одновременно с этим символический характер восприятия был разработан Ч. Пирсом, создателем семиотики (универсальной теории знаковых систем), и гештальт-психологами (М. Вертгеймером, К. Коффкой, В. Келером), сформулировавшими принцип «фигуры и фона». Такое сочетание культурологических исследований с гносеологическими означало, с одной стороны, подтверждение культурологических теорий фактами гносеологии, а с другой стороны – в перспективе необходимость признания культурной обусловленности самого познания.

Структурализм имеет особое значение среди всех течений современной научной и философской мысли, потому что именно в его рамках структурный подход был разработан как универсальная методология всего гуманитарного познания. И тут в общем и целом можно признать, что структурализм вполне состоялся в качестве методологического основания для многих гуманитарных исследований. Он и показывает на примерах лингвистики, структурной антропологии и т. д. и подсказывает направление и цели исследования, расширяя наше представление о возможностях и пределах как самой гуманитарной науки, так собственно и научной рациональности.

Серьезная научная дискуссия развернулась по поводу определения характера всех этих символических

форм. Одна из позиций подразумевала, что вся символическая реальность человеческого бытия может быть описана языком, то есть именно язык выступает в качестве базисной символической системы, которая определяет все прочие символические системы, существующие в обществе. Данную позицию, в частности, разделяли Л. Витгенштейн («Границы моего языка означают границы моего мира» [2, с. 56]) и, по-видимому, Ф. де Соссюр. Она нашла свое яркое выражение в знаменитой гипотезе Сепира-Уорфа об обусловленности мышления языком. Э. Кассирер, напротив, признавал многообразие сосуществующих автономных символических форм и критиковал отождествление мышления с языком: «Такое отождествление не замечает не только наличия форм понятийного мышления, высвобождающихся из-под власти языка и строящих самостоятельное царство «теоретического» значения, но так же и то, что выполняемая языком духовная функция не ограничивается кругом собственно «логических» проблем, сферой понятий, суждений и умозаключений... Языковая форма пронизывает уже «интуитивное» миропонимание и миробразование; она принимает ничуть не меньшее участие в организации созерцания и восприятия, чем в построении царства понятий» [8, с. 101]. Вторая позиция кажется нам более перспективной, символическую реальность невозможно свести исключительно к языку.

Но вместе с тем именно язык играет центральную роль в формировании этой реальности, что, в частности, утверждал А.-Ж. Греймас: «Мы видим, что естественные языки занимают привилегированное положение в силу того, что они служат отправной точкой для преобразований и конечным пунктом для переводов» [3, с. 17], отмечая при этом, что «...естественным языкам присуще относительно простое и частично уже проанализированное означаемое... Ценность этих методик... в контексте гуманитарных наук сравнима с ценностью алгебраической формализации для наук о природе» [3, с. 85 – 86].

Иными словами, несмотря на то, что символическая реальность несводима к языку, именно язык задает ту первичную символическую реальность (реальность языка), к которой обращаются все остальные символические формы для обретения значений входящих в них символов. А это подразумевает, что именно лингвистические методы являются главными для понимания структуралистской методологии.

Структурный метод для лингвистики оказался судьбоносным. Он смог стать основой для научной методологии языкознания (что укрепило и оправдало претензии лингвистики на статус точной науки). Кроме того, последующее распространение структурной методологии на гуманитарное познание вывело лингвистику на уровень «науки наук» и основы гуманитарного знания в целом.

Структурная лингвистика представляет принципиально новый взгляд на язык – как на автономную, внеисторичную (синхроническое языкознание) и безличную системную организацию. Структуры, предложенные Ф. де Соссюром в качестве предмета языкознания, связывают между собой лишь языковые факты (в языковую систему). Таким образом, предметно язык обособляется от всех экстралингвистиче-

ских факторов. Развивая тезис об автономии языковой системы, Э. Бенвист высказывает положение о том, что «язык может быть описан без мышления, а мышление без языка – нет» [цит. по: 1]. Язык, таким образом, представляется определяющим фактором для мышления. Можно даже говорить об утверждении «обратной» зависимости: человек как субъект мысли и речи представляется определяемым системой языковых отношений. Одним из вариантов развития идеи можно считать этнолингвистическую концепцию Э. Сепира и Б. Уорфа, связывающую поведение человека с языковым определением ситуации.

Автономия языковой системы подкрепляется обособлением языка от речевой деятельности и общей автономией лингвистики. И если ранее она подавалась в качестве составляющей (философии, антропологии, психологии), то уже в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра подчёркивается неоднократно ошибочность попыток связать языкознание с любой из форм гуманитарного познания [12]. Более того, лингвистика противопоставляет себя гуманитарным дисциплинам – как точная наука неточным, а порой даже как научное знание ненаучному.

Поиски структур привели Ф. де Соссюра к «замене» в лингвистическом объяснении прямого соответствия слов и вещей спонтанным, что уже не первый раз в истории человечества поставило истинность понимания речевого сообщения под вопрос. Развитие идей Ф. де Соссюра учениками (в частности, Э. Бенвистом) представило язык «структурой, несущей значение», а мышление – оперированием знаками языка. И вместо воздействия (как и в предшествующем доминирующем психологическом направлении лингвистики) мы имеем дело с взаимодействием: с одной стороны, мысль определяет и наполняет смыслом речевое высказывание, а с другой, по словам уже другого структуралиста – А. Мартине, – «...язык сам членит действительность..., и каждому языку соответствует уже своя особая организация опыта» [цит. по: 1]. Тезис можно интерпретировать как утверждение некоторой «безличности» языковой системы. Оставляя авторскую индивидуальность «за бортом» смыслообразования, структурализм представляет автора агентом структуры; не столько субъектом, сколько носителем языка. В постструктурализме мысль получит развитие в тезисе о «смерти автора», в утверждении смыслообразующих возможностей дискурса.

Языковая структура исследуется и как историческая (диахронический аспект) и как антиисторичная (синхронический аспект) форма обобщения. Приоритет синхронического метода перед диахроническим подчёркивается многими (так, А. А. Реформатский высказывается в поддержку этой точки зрения, отмечая преемственность идеи от Ф. Соссюра), поскольку это «подлинная и единственная реальность для говорящей массы» [10]. Синхроническое языкознание свидетельствует лишь о настоящих связях и отношениях, о фиксированных состояниях системы. Предметное обособление языка от речевой деятельности, от социума позволяет представить его как замкнутое системное целое, свободное от истории. Безусловно, синхронический и диахронический аспекты дополняют друг друга, но постановка акцента на синхронии,

на описательном подходе и придаёт языковой системе строгий и точный характер, позволяет вывести закономерности отношений между элементами, обнаружить собственно «структуры», сложившиеся в определённый момент времени.

Постепенно структурный рационализм и в лингвистике сдаёт свои позиции. И с осознанием кризиса языкознание вновь оказалось в поиске рационализирующей основы. Текст, гипертекст, концепт, дискурс, речевой акт, пришедшие на смену структуре, безусловно, обобщают гуманитарный опыт, но лингвистика

с опорой на них уже не играет такой централизующей роли в культуре.

Иными словами, можно утверждать, что сам ход развития структурализма привел к формированию дополнительных альтернатив, которые показали ограниченность данной методологии и ее гносеологических возможностей. Но при этом само развитие структурализма способствовало развитию структурного подхода как такового, который занимает сейчас одно из центральных мест в методологии гуманитарного познания.

Литература

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений. М., 2005. 368 с. Режим доступа: <http://coollib.com/b/-235312/read> (дата обращения: 25.10.2014).
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994.
3. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода. М.: Академический Проект, 2004. 368 с.
4. Диалектическая логика. М.: Издательство Московского университета, 1986. 296 с.
5. Зотов А. Ф. Современная западная философия. М.: Высшая школа, 2001. 784 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
7. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. I: Язык. М.: Академический проект, 2011. 271 с.
8. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. III: Феноменология познания. М.: Академический проект, 2011. 398 с.
9. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972. 565 с.
10. Реформатский А. А. Принципы синхронного описания языка // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 20 – 40. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/reformatskiy-87a.htm> (дата обращения: 26.10.2014).
11. Современная западная философия: учебное пособие. Минск: Книжный дом, 2009. 1024 с.
12. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999. 432 с. Режим доступа: <http://login.ru/books/kurs-obsheiy-lingvistiki-sossyur-f-de-professii> (дата обращения: 25.10.2014).

Информация об авторах:

Щербинин Михаил Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Тюменского государственного университета, kafedrafilosofii@mail.ru.

Mikhail N. Shcherbinin – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Tyumen State University.

Павловский Алексей Игоревич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Тюменского государственного университета, tiranosawr@yandex.ru.

Alexey I. Pavlovskiy – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Assistant professor at the Department of Philosophy, Tyumen State University.

Пупышева Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Тюменского государственного университета, I-rinushka@yandex.ru.

Irina N. Pupyshva – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Philosophy, Tyumen State University.

Статья поступила в редколлегию 29.10.2014 г.